

А. Д. БЛОКЪ.

90
17 30

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ВЪ РОССІИ И О РОССІИ.

ВСТУПЛЕНИЕ ВЪ КУРСЪ РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА.

Цена 75 коп.

ВАРШАВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ КОСОВОДСКАГО
Майковскаго № 41.

1884.

Блок, Александр Иванович

А. Л. БЛОКЪ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЪ РОССІИ И О РОССІИ.

ВСТУПЛЕНИЕ ВЪ КУРСЪ РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА.

Въ надеждѣ славы и добра,
Гляжу впередъ я безъ боязни....

Пушкинъ.

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НОСКОВСКАГО

Мазовецкая N. 11.

1884.

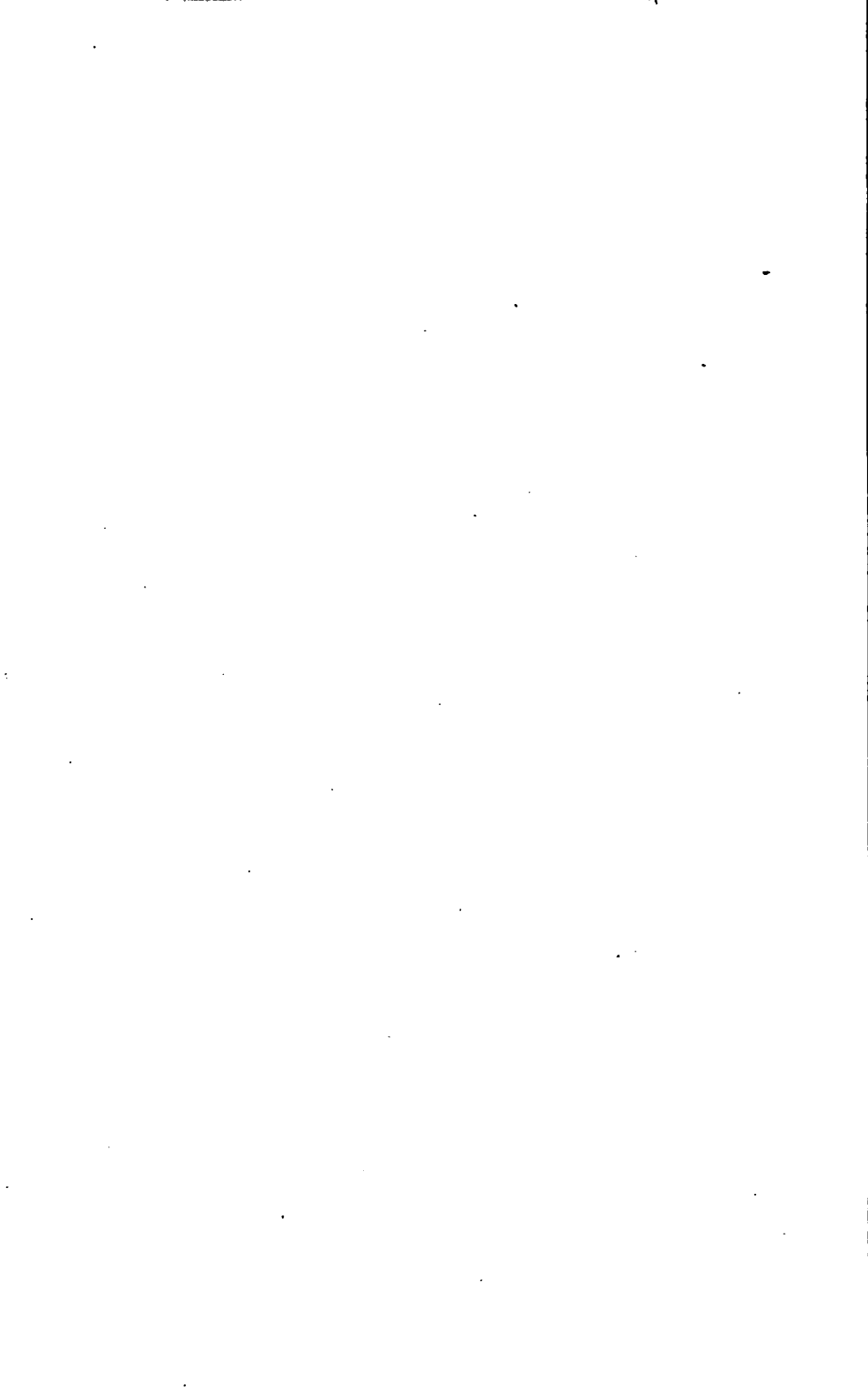
14989

350.947
B652 p2

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго
Варшавскаго Университета.

Ректоръ Н. Лавровскій.

Октябрь 1884.

ВСТУПЛЕНІЕ

ВЪ КУРСЪ

РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА.

ВАРШАВА 1863/4.

Изученіе русской государственной жизни представляет для насъ не только ближайшій практическій, но и чрезвычайно высокій *теоретическій* интересъ. Тутъ мы вступаемъ въ новый для нашей науки политическій міръ, имѣющій свою исторію и свои крупныя особенности, чѣмъ и оправдывается отчасти принятое у насъ отдѣленіе этого спеціального курса отъ такъ называемаго „общаго государственнаго права.“ Но такое внѣшнее отдѣленіе не нарушаетъ внутренняго единства самой науки, тѣмъ болѣе, что оба предмета излагаются однимъ и тѣмъ-же преподавателемъ. Если-бы мы „общее государственное право“ изучали по однимъ западноевропейскимъ образцамъ, то здѣсь намъ пришлось-бы примѣнять и къ славяно-русскому міру понятія, выработанныя пока преимущественно лишь для романо-германскихъ народовъ,—или-же, отказавшись отъ всякихъ общихъ понятій, ограничиться одною фактическою стороною дѣла. Къ счастью однако намъ вовсе не нужно прибѣгать къ подобнымъ мало научнымъ приѣмамъ. Дѣло въ томъ, что уже въ общемъ нашемъ курсѣ, при изложеніи т. н. „теоріи

государственного права" или вѣрнѣе „политики", всегда имѣлась въ виду не только западная, но и лично мнѣ болѣе знакомая и болѣе близкая восточная Европа. Этимъ отчасти объясняются тѣ весьма значительныя теоретическія отступленія которыми отличались мои лекціи отъ разныхъ заграничныхъ руководствъ по тому-же предмету, обыкновенно игнорирующихъ міръ славянскій вообще и Россію въ особенности. Зато всѣ основныя понятія, уже приложенныя нами къ т. н. „государственному праву важнѣйшихъ иностранныхъ державъ" почти одинаково могутъ относиться и къ нашей, русской государственной жизни. Нынѣшній спеціальныя курсъ составляетъ во многихъ отношеніяхъ лишь дальнѣйшее развитіе прежнихъ общихъ темъ. Мы и въ немъ будемъ руководиться тѣми-же научнымъ направленіемъ, тѣми-же методами и по возможности тою-же системою изложенія, которыхъ держались въ общемъ нашемъ курсѣ.

Въ настоящемъ вступленіи я намѣренъ сдѣлать небольшой очеркъ того, что можно назвать *политическою литературою въ Россіи и о Россіи*. Это еще не разборъ разныхъ учебниковъ и монографій по русскому государственному праву, которые будутъ рассмотрѣны уже въ самомъ курсѣ и во введеніи къ нему. Прежде чѣмъ такъ или иначе судить о *правѣ*, надо внимать поглубже въ духъ самой *жизни* и слѣдовательно обращаться къ литературнымъ трудамъ, ея непосредственно навѣяннымъ. Такими трудами являются напримѣръ сочиненія нѣкоторыхъ иностранцевъ, жившихъ въ Россіи и писавшихъ о ней, преимущественно для своихъ соотечественниковъ. Въ нихъ выставлены на первый планъ тѣ черты русскаго государственнаго быта, которыя наиболѣе отличаютъ его отъ западноевропейскаго и потому наиболѣе важны для людей мало знакомыхъ съ восточною Европою. Но къ сожалѣнію такое малое знакомство обнаруживаютъ нерѣдко и сами авторы этихъ сочиненій, даже вполне добросовѣстные. Притомъ иностранцамъ, особенно французамъ, трудно отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ предвзятыхъ идей, мѣшающихъ вѣрно разглядѣть и оценить русскую дѣйствительность. Въ видѣ примѣра укажемъ

на известное сочиненіе *Леруа-Боли* ¹⁾, съ которымъ очень не мѣшаетъ вообще познакомиться, на которое не можетъ удовлетворить насъ вполне. Авторъ заявляетъ въ предисловіи, что его „любопытство“ привлекли не только „колоссальные размѣры“, многомилліонное „населеніе“ и будущая „великая роль“ Имперіи „на нашемъ старомъ континентѣ“, но и „загадочный характеръ (le caractère énigmatique) ея жителей, родъ тайны, витающей надъ Россіей и надъ ея судьбами (l'espèce de mystère qui plane sur la Russie et sur ses destinées), а сверхъ того и самая трудность узнать и понять ее.“ Нельзя сказать однако, что французскому публицисту удалось разрѣшить эту задачу и разгадать „тайну“ Россіи, въ которую, по словамъ известнаго поэта Тютчева, не можетъ проникнуть „гордый взоръ иноплемennyй.“ Впрочемъ наблюденія его сравнительно довольно объективны, и м. б. именно потому, что у него нѣтъ определенной философской или социологической „доктрины“, за что онъ такъ осуждается однимъ критикомъ ²⁾. Но мало быть только объективнымъ: отъ его живой наблюдательности не укрылись многія внѣшнія черты или такъ сказать „контуры“ русской жизни,—зато внутренній духъ почти ускользнулъ, какъ и у другихъ иностранныхъ изслѣдователей. Говоря о политическихъ дѣлахъ и отношеніяхъ въ Россіи, Леруа-Боли невольно становится на свою, наименѣе тутъ уместную буржуазно-либеральную точку зрѣнія, съ которой позволяетъ себѣ нѣсколько какъ-бы снисходительно-сочувственно относиться къ „судьбамъ“ современнаго русскаго общества. Кромѣ того у него недостаетъ знакомства съ нѣкоторыми основными источниками (напримѣръ хоть съ текстомъ важнѣйшихъ русскихъ законовъ), вслѣдствіе чего трудъ его во многихъ частяхъ носитъ характеръ довольно праздныхъ разсужденій о русскихъ порядкахъ вообще.

¹⁾ *L'Empire des Tsars et les Russes*, par Anatole Leroy-Beaulieu. Tome I: Le pays et les habitants. 1881. Tome II: Les institutions. 1882. Нѣкоторые дальнѣйшіе этюды автора о Россіи печатались, какъ и предыдущіе, въ журналѣ „Revue des deux mondes.“

²⁾ Ср. статью г. *Вырубова* въ журналѣ „La philosophie positive“: juillet-août 1881.

Такъ какъ мы—по крайней мѣрѣ не иностранцы, то для насъ гораздо поучительнѣе другіе, менѣе систематическіе, но болѣе глубокіе литературные труды, навѣянные тою-же русскою жизнью на *русскихъ* писателей. Сюда относятся преимущественно разныя журнальныя статьи, старыя и новыя, изъ которыхъ потомъ составлялись дѣльные сборники сочиненій. При всей отрывочности этихъ статей, посвященныхъ большею частью лишь отдѣльнымъ вопросамъ и писанныхъ обыкновенно по какимъ нибудь спеціальнымъ поводамъ,—въ нихъ и именно въ нихъ заключается дѣйствительное, главное пока „откровеніе“ русской жизни. Онѣ-то и составляютъ настоящую „политическую литературу въ Россіи и о Россіи.“ Конечно авторы ихъ во многомъ ошибались и ошибаются относительно своего отечества. Но и въ самыхъ ошибкахъ своихъ они невольно на каждомъ шагѣ выдаютъ истинную сущность народнаго духа, ибо не только пишутъ, но и думаютъ, а часто и чувствуютъ при этомъ именно *по русски*. Это далеко еще не „строгая наука“, а только журналистика или „публицистика“ въ широкомъ смыслѣ слова, составляющая лишь зародышъ будущей русской науки, которая отчасти уже и теперь къ ней примыкаетъ и должна пользоваться ею, какъ главнымъ идейнымъ матеріаломъ, выработаннымъ самою жизнью. Хотя до послѣдняго времени литература наша черпала многія свои идеи изъ западноевропейскихъ источниковъ ³⁾, но она успѣла проявить значительную самостоятельность уже въ процессѣ усвоенія, разработки и примѣненія этихъ чуждыхъ идей, перенесенныхъ на московско-петербургскую почву и ставшихъ лицомъ къ лицу съ русскою дѣйствительностью. Тутъ именно сложились тѣ оригинальныя литературно-политическія направленія, которыя рѣзко обозначились уже въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія ⁴⁾,

³⁾ Исторія этихъ заимствованій очерчена въ недавно вышедшей брошюрѣ г. А. К. *Веселовскаго*: „Иностранное вліяніе въ русской литературѣ.“ Ср. также статьи г. *Скабичевскаго* въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1870 года.

⁴⁾ О дѣятеляхъ этой эпохи см. напр. книгу П. В. *Анненкова*: „Замѣчательное десятилѣтіе“; „Жизнь и переписку Бѣлинскаго“, соч.

долго потомъ раздѣляли нашихъ писателей на враждебные лагери и теперь еще опредѣляютъ собою главныя теченія общественной мысли въ Россіи. Мы говоримъ о двухъ направленіяхъ: „славянофильскомъ” и „западническомъ” ⁵⁾. Они и составляютъ ближайшій предметъ настоящаго очерка. Оба они дадутъ намъ не только матеріалъ для научной критики, но и поводъ къ тому, чтобы высказать нѣкоторые общія мысли о коренныхъ основахъ, историческомъ развитіи и современномъ характерѣ русской государственной жизни, причемъ выяснится отчасти и то „великое будущее”, въ которомъ не отказываютъ Россіи даже наименѣе доброжелательные изъ иностранцевъ.

Къ *славянофиламъ* причисляются прежде всего нѣкоторые, преимущественно московскіе писатели сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, частью уже давно умершіе, частью же и потомъ еще продолжавшіе свою дѣятельность. Таковы извѣстные толкователи русской народности, братья Кирѣевскіе: Иванъ и Петръ Васильевичи; затѣмъ Алексѣй Степ. Хомяковъ—патріотическій философъ, богословъ и поэтъ (изъ бывшихъ офицеровъ); двое Аксаковыхъ: Константинъ — авторъ многихъ талантливыхъ, хотя и одностороннихъ статей по русской исторіи, скончавшійся въ самомъ началѣ шестидесятихъ годовъ, и Иванъ Сергѣевичъ—издатель славянофильскихъ журналовъ, въ томъ числѣ и нынѣшней „Руси”; Юрій Фед. Самаринъ († 1876)—ученый публицистъ, написавшій между прочимъ замѣчательное

А. Н. Пыпина; біографію Грановскаго, составленную *Станкевичемъ*; и мн. др.

⁵⁾ Названія славянофиловъ (сначала просто „славянъ”) и западниковъ даны были въ насмѣшку надъ литературными противниками. Потомъ они утвердились за извѣстными партіями, но сохраняли свой ироническій смыслъ. Кажется до послѣдняго времени ни одинъ русскій писатель *самъ* себя не считалъ (по крайней мѣрѣ серьезно) ни „славянофиломъ”, ни „западникомъ.”

ложительныхъ достоинствъ, заслуживающихъ полного признанія. Между тѣмъ славянофилы повидимому пренебрегаютъ этими достоинствами и не безъ извѣстнаго преувеличенія подчеркиваютъ одни только недостатки и пороки „гнилаго Запада“, часто даже мнимые пороки. Самыя похвалы отечеству отличаются у нихъ по крайней мѣрѣ нѣкоторою безтактностью: они хвалятъ именно не то, что можно, должно и нужно хвалить во имя общаго прогресса, а какъ разъ все такое, чего особенно мало въ нашей современности, не предвидится и въ будущемъ, да и вообще ни для кого уже не требуется. Иногда это какіе нибудь жалкіе остатки далекой старины, осужденной всѣмъ позднѣйшимъ развитіемъ, но имъ все еще драгоцѣнной. Вотъ почему они такъ охотно обращаютъ взоры въ болѣе или менѣе отдаленное прошлое своей родины и стараются отыскать въ немъ не только истинную основу русской „самобытности“, но и великое „новое слово“, которое должна повѣдать Россія Европѣ и всему міру. Однако и тутъ дѣло не обходится безъ очевидныхъ натяжекъ и пристрастнаго искаженія отечественной исторіи. Отсюда та идеализація давно минувшаго, которая всего больше препятствуетъ вѣрной оцѣнкѣ настоящаго и грядущаго величія.

Да, славянофилы, именно славянофилы,—эти повидимому столь безупречные „патріоты своего отечества“, — слишкомъ мало оцѣнили, едва-ли даже не совсѣмъ упустили изъ виду дѣйствительное величіе Россіи! Посмотримъ, въ чемъ собственно полагаютъ они самобытныя черты русскаго народа и на чемъ основываютъ всемірно-историческое значеніе русскаго государства? — Во первыхъ они постоянно ссылаются на разныя національныя особенности, свойственныя только *славянскому* племени ⁹⁾. Нѣкоторые изъ нихъ прямо относятъ всю Россію къ такъ называемому „греко-славянскому міру“, который пре-

⁹⁾ Одну изъ слабѣйшихъ сторонъ славянофильскаго ученія составляетъ довольно обычное, отмѣченное нами и у западныхъ мыслителей смѣшеніе, если не прямое отождествленіе національности или „народности“ съ племеннымъ происхожденіемъ.

увеличенно рѣзкою чертою отдѣляется отъ міра германо-романскаго, будто-бы населяющаго одну западную Европу и имѣющаго свою особую, совершенно чуждую для нашего Востока цивилизацію. Все это далеко не точно какъ съ этнографической, такъ и съ культурно-исторической точки зрѣнія. Положимъ, что Россія прежде всего страна славянская по преимуществу, что судьба ея долго и тѣсно была связана съ судьбою древней греческой Византіи. Но вѣдь ни славянскіе элементы населенія, сами по себѣ довольно разнообразныя, ни византійское вліяніе, сильное лишь въ извѣстную эпоху, не исчерпываютъ и даже не опредѣляютъ собою всего содержанія русскаго государственнаго міра ни въ настоящемъ, ни даже въ прошедшемъ. Міръ этотъ издавна отличается чрезвычайно сложнымъ племеннымъ составомъ и не менѣе сложнымъ процессомъ общественнаго развитія, обусловленнымъ самыми многосторонними воздѣйствіями съ востока и съ запада. Мы не станемъ здѣсь перечислять хотя-бы названія разныхъ сибирскихъ, кавказскихъ, литовскихъ и другихъ „инородцевъ”, которые до сихъ поръ сплошными массами занимаютъ цѣлыя области Имперіи и которыми посвящается особый отдѣлъ нашего курса. Говоря о важнѣйшихъ иноплеменныхъ примѣсахъ и культурно-политическихъ придаткахъ къ чистому славянству, достаточно упомянуть по крайней мѣрѣ о финнахъ, татарахъ и нѣмцахъ, о вліяніи ихъ, прямомъ и косвенномъ, на государственный бытъ Россіи. Можно сказать даже, что послѣдній или вовсе-бы не сложился или сложился-бы въ другой, менѣе устойчивой формѣ, если-бы не данное вліяніе.

Неоднократные историческіе опыты показали, что славянскія народности сами по себѣ неспособны къ образованію сильныхъ и прочныхъ государствъ. Это объясняется отчасти уже присутствіемъ въ нихъ такихъ высшихъ духовныхъ инстинктовъ, которые повидимому имѣютъ мало общаго съ болѣе грубыми, чисто политическими „доблестями”, всегда почти предполагающими нѣкоторое нравственное „несовершенство.” Въ богато вообще одаренной натурѣ славянина слишкомъ много тонкой впечатлительности, широкой гуманности и умственной не-

зависимости. А для государственной жизни требуется и нѣчто совсѣмъ другое, часто несовмѣстимое съ только-что указанными свойствами. Вотъ почему напримѣръ извѣстное финское „упрямство“, татарская „безчеловѣчность“ и нѣмецкая „выдержка“ должны были играть немалую роль въ судьбѣ нашей могущественной Имперіи. Они были нужны по крайней мѣрѣ какъ нѣкоторая „лигатура“ или твердая примѣсь къ мягкому „благородному металлу“, изъ котораго иначе нельзя сдѣлать ничего прочнаго. — Но если такъ, то историческую, а тѣмъ болѣе современную Россію конечно нельзя считать чисто славянскимъ произведеніемъ. Русская общественность, какъ и русская государственность, давно уже возвышается надъ узкими сферами и тѣсными рамками отдѣльных національностей, а о полномъ преобладаніи одного какого нибудь племени тутъ не можетъ быть и рѣчи. Въ этомъ неплеменномъ, ненаціональномъ, скорѣе *международномъ* характерѣ заключается одна изъ тѣхъ дѣйствительно самобытныхъ чертъ, которыя всего менѣе цѣнятся славянофилами и которыя однако особенно глубоко и притомъ выгодно отличаютъ нашу восточную Европу отъ западной. Отсутствіе рѣзкихъ племенныхъ признаковъ у самой главной, господствующей народности, въ связи съ нѣкоторыми другими условіями, приводитъ къ тому, что на обширныхъ пространствахъ Россійской Имперіи могутъ сравнительно хорошо уживаться, взаимно приспособляться и отчасти сливаться, ассимилироваться между собою многіе весьма разнородные, даже прямо враждебные другъ другу элементы государственнаго общества. Въ сложномъ, медленномъ процессѣ такого объединенія народностей и племенъ должны постепенно вырабатываться новые, болѣе широкіе интеллектуальные типы людей, приближающіеся уже къ общему, „всероссійскому“ типу, отъ котораго недалеко пожалуй и до „всечеловѣчества“... Разумѣется послѣднее пока есть только идеалъ, съ которымъ мы отнюдь не смѣшиваемъ окружающую насъ дѣйствительность.

Итакъ истинная русская „самобытность“ состоитъ вовсе не въ сознаніи своей принадлежности къ той или другой пле-

ленной группѣ, даже къ той или другой отдѣльной національности въ западноевропейскомъ смыслѣ этого слова. Но она не зависитъ также отъ какой нибудь опредѣленной формы религіознаго сознанія. Славянофилы всегда приурочивали ее только къ *восточному* православію, какъ къ чистѣйшему выраженію христіанской религіи, исключаящему всякія иныя вѣрованія и настроенія. Церковными и богословскими вопросами особенно усердно занимался Хомяковъ. Значительная часть (цѣлые два тома) его сочиненій посвящена толкованію разныхъ православныхъ каноновъ, въ связи съ тѣмъ, что принято называть полемическимъ или „обличительнымъ” богословіемъ. Тутъ между прочимъ „обличались” и западныя религіозныя міросозерцанія: католицизмъ и протестантизмъ ¹⁰⁾. Приведемъ отсюда нѣкоторыя выдержки ¹¹⁾. „Государство отъ міра сего, говоритъ авторъ, заняло мѣсто христіанской церкви. Единый, живой законъ единенія въ Богѣ вытѣсненъ былъ частными законами, носящими на себѣ отпечатокъ утилитаризма и юридическихъ отношеній. Раціонализмъ развился въ формѣ властительскихъ опредѣленій; онъ изобрѣлъ чистилище, чтобы объяснить молитвы за усопшихъ; установилъ между Богомъ и человѣкомъ балансъ обязанностей и заслугъ; началъ прикидывать на вѣсы грѣхи и молитвы, проступки и искупительные подвиги; завелъ переводы съ одного человѣка на другого, узаконилъ обмѣнъ чуждыхъ заслугъ; словомъ, онъ перенесъ въ святилище вѣры полный механизмъ банкирскаго дома. Единовременно церковь-

¹⁰⁾ Достоинно замѣчанія, что и эти „обличенія” должны были въ свое время печататься за границей, именно въ Прагѣ чешской.

¹¹⁾ За неимѣніемъ подъ рукой всѣхъ подлинныхъ славянофильскихъ трудовъ, я почерпаю эти и другія изъ нихъ выдержки въ книгѣ проф. А. Д. Градовскаго: „Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ”, хотя самая точка зрѣнія почтеннаго автора на „первыхъ славянофиловъ” (весьма вообще сочувственная) значительно расходится съ моею собственною. Для сравненія см. еще статью О. Ѳ. Миллера: „Основы ученія первоначальныхъ славянофиловъ” („Русская Мысль” 1880 года), очеркъ г. Панова: „Славянофильство какъ филологическое ученіе” („Журналъ Мин. Нар. Просв.” за 1880 годъ), и проч.

государство вводила государственный языкъ—языкъ латинскій; потомъ она привлекла къ своему суду дѣла мірскія; затѣмъ взялась за оружіе и стала снаряжать сперва нестройныя полчища крестоносцевъ, впослѣдствіи постоянныя арміи—рыцарскіе ордена, и наконецъ, когда мечъ былъ вырванъ изъ ея рукъ, она выдвинула въ строй вышколенную дружину іезуитовъ.” Все это относится къ римскому „католичеству”, а въ „протестантствѣ” тотъ-же авторъ видитъ „законное, по своему происхожденію, хотя и непокорное исчадіе романизма”, не совладавшего съ „человѣческимъ разумомъ”, который наконецъ гордо „воспрянулъ”, нарушая прежнее „единство” вѣры и „негодую на произвольныя оковы.” Такая, нѣсколько напыщенная вообще характеристика западныхъ церковныхъ началъ въ сущности довольно основательна и отчасти вполне соответствуетъ тому, что говорилось по этому поводу и въ нашемъ общемъ курсѣ. Но славянофилы ставятъ въ упрекъ католической и протестантской Европѣ многое такое, чего въ своемъ родѣ не лишена была и православная Россія. Такъ напримѣръ, указывая на разныя „властительскія опредѣленія” католицизма, не слѣдовало забывать хоть то, что русская церковь всегда допускала широкое внимательство свѣтскихъ властей въ свои внутреннія дѣла. Кое-что можно было-бы замѣтить также при разсужденіяхъ объ „утилитаризмѣ” или о „механизмѣ банкирскаго дома”, перенесенномъ „въ святилище вѣры”... Затѣмъ, осуждая протестантское возстаніе „человѣческаго разума”, Хомяковъ долженъ былъ припомнить, что у насъ подобный-же раціонализмъ проявился еще сильнѣе и такъ сказать „почище” не только въ извѣстномъ интеллигентномъ „невѣріи”, но и въ формѣ церковнаго „раскола” съ его разнообразнымъ сектантствомъ ¹²⁾, которое и другіе славянофилы слишкомъ часто старались обходить въ своихъ церковно-историческихъ изслѣдованіяхъ.

¹²⁾ Кромѣ нѣкоторыхъ общихъ сочиненій, относящихся къ этимъ мало еще изслѣдованнымъ предметамъ, см. напр. статью г. *Прунавина*: „Запросы и проявленія умственной жизни въ расколѣ” („Русская Мысль” 1884 года).